

8 * 1934
8 марта

ЧУВСТВА ЭПОХИ

БЕРА ПАШЕННАЯ

С КАЖДЫМ ГОДОМ день 8 марта — женский день — все больше и больше волнует, радует и бодрит советских женщин вообще, а нас, советских актрис, в частности. Все значение этого дня доходило до сознания год от году, и на этот раз хочется не только праздновать и радоваться своему женскому дню, а отпаянуться в темное дореволюционное прошлое актрисы, на пройденный за 16 лет путь и заглянуть вперед.

Свой творческий путь актрисы я резко делю на два периода: период до революции и период после революции. О первом много не приходится говорить.

Театр и актриса для буржуазного общества были развлечением: туалеты, внешность, эффект — вот чего от нас ждали. Когда умер мой учитель и гениальный режиссер Александр Павлович Ленский, я осталась творчески совсем одинока. Творчество актрисы сводилось к узкой работе над своей ролью и то исходя из чисто внешних приемов и положений. Вот пример: Двадцать двух лет я получала роль Катерины в «Грозе». Огромная творче-

ская задача пропала для меня совершенно незаметной, не оставив там мне как на актрисе лиричного саффа. Общественное и историческое значение пьесы совершенно не вскрывалось. Создавать образ, социально обосновывать свою роль никто не учил. Катерина должна была быть только красивой, интересной, одетой в русский костюм женщиной. Никто не толкал меня в сторону изучения быта, среды того времени. Никто не вскрыл для меня Катерину как «луч света в темном царстве». Полное недоумение и тоску у молодой актрисы мог вызвать этот процесс работы над классическим репертуаром. Текущий же репертуар был до революции до того пустой, что не только содержание пьесы, но даже названия их перепутались и стерлись в моей памяти.

В личной жизни мне тоже было трудно. Материальные, бытовые условия очень тяжелые. По статуту первые три года на императорском театре артистка, зачисленная из театральной школы, должна была получать пятьдесят рублей в месяц. Понятно, как трудно было жить молодой актрисе в дореволюционную эпоху, когда для актрисы, как я уже говорила, были необходимы туалеты и внешность.

Публика была холодной. Приходила к середине первого акта, и в конце пьесы обогно партер звенел шпорами и шелковыми шлейфами, и публика спешила из театра уезжать в ресторан.

Большой отдушиной в художественном, общественном, да и в материальном отношении были редкие выезды в рабочие районы. Восторженно принимала актеров рабочая

публика. Я помню: мы играли на Коломенском заводе пьесу «Всех скорбящих». (Ее вскоре запретили играть, и только после революции она снова вошла в репертуар). Каждый монолог Риты — монолог бунтующей женщины, бросающей вызов репрессии и условностям лицемерного буржуазного общества, — покрывался бурей аплодисментов. И хотя конечно и пьеса и роль были поставлены и приспособлены случайно, но тема, контакт с публикой рабочих районов, свобода молодого темперамента в порыве протеста, — все это очень волновало и оставляло незабываемое впечатление. Вся остальная творческая работа дореволюционного периода из-за отсутствия каких бы то ни было общественных стимулов не оставила у меня даже четких творческих воспоминаний и совершенно поглотилась опрощенными творческими переживаниями моей сценической работы за последние шестнадцать лет.

Первое время после революции я была творчески как бы выбита из колеи: то, что прежде было в сценической работе, было таким внешним, таким бессодержательным, что распалось без борьбы, а новое я не могла сразу обнять и понять, что надо от меня как от актрисы в период диктатуры пролетариата?

Одно сразу и властно захватило меня: я поняла, что искусство — не самоцель, а огромное могучее орудие для воспитания масс, а что в страхе строящегося социализма актриса — активный берег на культурном фронте. Но как это воплотить в моей работе, я не знала, не умела. Труднейшая задача пересмотреть классику пришла значительно позднее, да и к ней надо было подойти,

решив предварительно основные первоначальные задачи социального раскрытия сценического образа. А жизнь и небывалая переоценка всех ценностей шли лигандскими шагами. Сознание определялось бытием. Творческие силы крешли и наливались новыми соками.

Я ждала настоящей революционной пьесы с большой, глубокой женской ролью. Первой пьесой советского репертуара, которая шла в Малом театре, была пьеса «Иван Козырь и Татьяна Русских». И пьеса и моя роль (я играла Татьяну) конечно ни в коей мере не отвечали моим стремлениям и чаяниям. Но, играя роль Татьяны, я впервые правильно подошла к образу и уже сознательно старалась социально вскрыть его. Я стремилась играть не просто бедную девушку, попавшую в лапы торговца явным товаром, а некака, находила и воплощала в Татьяне представительницу угнетенного класса, темную крестьянскую девушку, эксплуатируемую капиталистическим строем. И впервые я получила уже сознательное удовлетворение от правильного, нового подхода к работе.

С советской драматургией первые годы было очень трудно, и чем труднее было, тем более я убеждалась, что мы, квалифицированные мастера, не должны отмахиваться от плохих пьес и ролей, а всячески поддерживать советский репертуар. Поэтому я переняла много всяких ролей в советском репертуаре.

Интересной и показательной для себя я считала работу над ролью «Любови Яровой». Для меня как для актрисы революционной эпохи важно, как отражалась вся общественная жизнь на моей работе, я

не собираюсь говорить сейчас о методах моей работы, — я хочу сказать о том, как для меня образ Яровой гранился, оформлился и растет еще до сих пор и как это показательно для творчества советской актрисы. То, что было в образе Любови Яровой для меня непонятно шесть лет назад, то, что творчески неопытно и даже неправильно воплощалось мной, — является для меня неизбежным, ясным и непреложным теперь, когда сама я выросла, определила и созрела как советская актриса. Как пример: в финале пьесы я уже не плачу теперь мяскими женскими слезами над вводным арестованным мужем, предателем моих товарищей и моей подпольной революционной работы, а все творческие силы мои идут на то, чтобы не заплакать и вырвать с корнем эту любовь, эту поворную слабость. Слезы все-таки текут, все нервы болят, творческое напряжение огромно, но я уже знаю, что иду по правильному творческому пути, и это дает мне необычайное удовлетворение.

Теперь я страстно хочу на основе уже сложившегося творческого мировоззрения и крепкого опыта воплотить один из образов мировой классической трагедии.

Я сознаю и ощущаю крепкую опайку своей творчески-художественной жизни с общей жизнью страны, и это поднимает меня на большую внутреннюю высоту. И я твердо знаю, что только такое слияние своих личных интересов с интересами строящегося социализма в целом могут до конца и полностью сформировать меня как артистку-художницу.